

Светлов Валериан Яковлевич

Последний Абрек

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В15

В15   **Валериан Яковлевич С.**
Последний Абрек / Светлов Валериан Яковлевич – М.: Книга по Требованию,
2026. – 48 с.

ISBN 978-5-519-85010-0

ISBN 978-5-519-85010-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Боша осѣдлымъ и дать ему вѣрный кусокъ хлѣба. Они попробовали дать ему для обработки клочокъ земли, изъ которомъ онъ могъ бы что-нибудь посѣять. Но Боша и тутъ поступилъ по-своему. Онъ вышелъ за селеніе, оглянулъ отведенный ему клочокъ, снялъ съ себя дырявую бурку, старый подарокъ Вары, и бросилъ ее на землю¹⁾.

Бурка цѣликомъ покрыла его пахатное поле! Онъ поднялъ ее, надѣлъ на себя и, ни слова не говоря, отправился въ горы. Старики обидѣлись этимъ пренебреженіемъ.

— Откуда же ему взять землю? говорили они, покачивая бритыми головами и тряся крашеными бородами: — Аллахъ не наградилъ насъ землей, и нужно беречь ее, а не раздавать байгушамъ.

И довольные тѣмъ, что такъ мудро и вѣстѣ съ тѣмъ просто и выгодно рѣшили этотъ вопросъ, они мирно разошлись по саклямъ.

И однако, несмотря на свою наружную суровость, Боша имѣлъ доброе сердце. Онъ охотно помогъ бы такому же бѣдному, обездоленному человѣку, какимъ былъ самъ; онъ и доказалъ это, спасши отъ вѣрной смерти своего друга Вару; онъ любилъ бы дѣтей, если бы они не избѣгали, а порой не дразнили его; онъ любилъ бы аульных дѣвушекъ, если бы онѣ

---

¹⁾ Бурка — войлочный мохнатый плащъ, накидка безъ рукавовъ

не боялись его... Его бояться! По какому поводу? Кому онъ сдѣлалъ зло? Правда, видъ у него суровый, онъ грязно одѣтъ, на лохмотьяхъ его бешмета ¹⁾ часто видны слѣды крови убитыхъ имъ животныхъ, но что же изъ этого? Развѣ онъ виноватъ, что бѣденъ? Развѣ его способъ снискивать себѣ пропитаніе охотой — хуже, чѣмъ, напримѣръ, обрабатывать клочокъ земли, предложенный ему стариками и годный развѣ на то, чтобы лечь подъ этотъ клочокъ, когда наступитъ старость и Аллахъ отыметъ отъ него душу.

И онъ горько и подолгу задумывался надъ этимъ.

Одно обстоятельство перевернуло всю его душу. Онъ полюбилъ односельчанку — красавицу Гитѣ. Онъ оказывалъ ей всевозможныя услуги, рѣшилъ нарушить свое угрюмое молчаніе и изрѣдка, встрѣчая ее по дорогѣ къ ручью съ кувшиномъ на плечѣ, когда она шла за водой, вступалъ съ нею въ разговоръ. Онъ приносилъ ей убитую дичь, дарилъ ей турья рога, покупалъ позументы. Но красавица Гитѣ отклоняла эти подарки и ни разу еще не улыбнулась ему. Это была высокая, стройная какъ лань дѣвушка, гордая какъ орелъ и смѣлая какъ лвица. Она была дочерью богатаго человѣка, богатаго по сравненію съ его односельчанами: у отца ея было и поле побольше, чѣмъ то, которое предложили байгушу, у него были и бараны, и лошадь,

---

¹⁾ Бешметъ — полукафтанъ съ рукавами.

и нѣсколько бурдюковъ вина ¹⁾, и хорошее оружіе, и много еще чего другого.

Отецъ не спѣшилъ выдавать Гитѣ замужъ. Онъ ждалъ, когда кто-нибудь явится и внесетъ за нее богатый калымъ ²⁾.

И вдругъ Бошѣ, несчастному байгушу, пришла странная мысль посвататься къ этой богатой дѣвушкѣ! Какой калымъ могъ бы онъ внести ей отцу, когда ему самому подъ часъ нечего ѣсть, когда бьютъ дни, что онъ не видитъ даже сухого чурека ³⁾.

И онъ гналъ отъ себя возможно дальше эту нелѣпую мысль, уходилъ на охоту, преслѣдовалъ по крутымъ скаламъ архара, рискуя скатиться въ пропасть, или бѣжалъ за дикимъ кабаномъ до самаго его послѣдняго убѣжища, чтобы не думать о Гитѣ.

Вотъ, однажды, вернувшись послѣ удачной охоты въ аулъ, Боша вдругъ набрался необыкновенной храбрости и, недолго думая, отправился къ отцу Гитѣ свататься къ его дочери.

Старый аульный богачъ звонко засмѣялся, услышавъ эту просьбу.

— Наконецъ-то ты заговорилъ, Боша! сказалъ онъ ему въ отвѣтъ. — А мы-то всѣ думали, что ты

---

¹⁾ Бурдюкъ — мѣшокъ изъ бараньей или воловьей кожи, употребляемый для храненія жидкостей.

²⁾ Калымъ — выкупъ, платимый женихомъ родителямъ невесты.

³⁾ Чурекъ — хлѣбъ въ видѣ лепешки.

уже разучился разговаривать. Хотя, правду сказать, ты такъ долго молчалъ, что сталъ говорить глупости. И по-моему, лучше молчать, чѣмъ говорить глупости. Какъ, ты, жалкій байгушъ, оборванный нищій, сватаешься къ моей дочери! Въ умѣ ли ты, другъ мой? Или ты весь свой умъ растерялъ въ охотѣ за турами? Да гдѣ же у тебя калымъ?

— Я не нищій оборванецъ, старикъ! возразилъ Боша, гордо поднявъ голову. — Не смотри на мои рубища: подъ лохмотьями часто скрывается храброе сердце.

— Ну, это не великое богатство! насмѣшливо проговорилъ старикъ. — Я не спорю, храброе сердце — отличная вещь, но Гитó стоитъ дороже, и этого мало, что ты предлагаешь мнѣ. Вотъ, если бы ты былъ знатнымъ человѣкомъ да имѣлъ бы богатство, ну, тогда мы бы поговорили. А теперь намъ не къ чему тратить время. Ступай-ка себѣ домой и пораздумай на досугѣ о моихъ словахъ. Кстати досуга у тебя много, а мнѣ время дорого и тратить его въ пустыхъ разговорахъ некогда. Пусть ты принесешь мнѣ богатый калымъ, — тогда и будешь по-твоему.

Старикъ всгаль и вышелъ въ сосѣднюю комнату. Бошѣ ничего не оставалось другого, какъ уйти домой.

Онъ это и сдѣлалъ. Глубоко задумавшись, онъ направился къ своей саклѣ. Голова его была низко опущена, и изъ глазъ его, быть-можетъ, въ первый

разъ въ жизни текли слезы. Хорошо еще, что смеркалось и никто не могъ увидѣть ихъ! Какъ бы смѣялись надъ нимъ молодые джигиты ¹⁾, если бы увидѣли его въ такомъ положеніи!

Онъ плохо спалъ ночью, обдумывая слова старика; проснулся онъ рано и услышалъ какой-то шумъ на улицѣ аула.

Онъ вышелъ изъ сакли, направился къ площади. Улица была очень оживлена въ этотъ ранній утренній часъ. По ней бѣгали мальчишки, скакали джигиты, выходили на пороги домовъ женщины. Отъ сакли къ саклѣ ходилъ «крикунъ» и выкрикивалъ объявленіе командующаго русскими войсками, князя Туманова. Всѣ толпились вокругъ крикуна и выслушивали это объявленіе, въ которомъ было сказано, что до свѣдѣнія генерала дошло, будто въ Чечнѣ опять появился извѣстный разбойникъ абрекъ Вара; что всякій, кому придется увидѣть его въ аулѣ, обязанъ немедленно донести объ этомъ властямъ, а буде возможно, то и задержать абрека и доставить его въ руки властей. За поимку абрека назначалась крупная сумма и другія награды, а за укрывательство генералъ грозилъ строгимъ взысканіемъ.

Жители аула молча и хмуро выслушивали слова крикуна. Никто, конечно, не опозоритъ аула выдачею

---

¹⁾ Джигиты — горцы-наѣздники.

абрека, если бы онъ появился среди нихъ. Нѣтъ высшаго безчестія, какъ выдать человѣка, ищущаго убѣжища и крова, спасающагося отъ преслѣдованія.

На улицѣ собирались кучки горцевъ, шумно обсуждавшія объявленіе князя. Всѣ были согласны въ томъ, что князь напрасно обратился къ нимъ: награда его имъ не нужна, а взысканій не долженъ бояться человѣкъ, исполняющій свой долгъ передъ единовѣрцемъ и землякомъ.

Выслушавъ Боша крикуна и медленно поплелся домой. Онъ чувствовалъ себя почти больнымъ и даже не отправился въ этотъ день на охоту.

II.

Узкая горная тропа подымалась къ Чернымъ горамъ, съ которыхъ открывался видъ на Большую Чечню. Внизу съ камня на камень, бушуя, прыгала горная рѣчка. Вверху по скаламъ ютились, какъ орлиныя гнѣзда, рѣдкіе аулы.

Медленно подвигался верхомъ на лошади по этой дорогѣ абрекъ Вара. Онъ понурилъ голову, и тяжелая дума вполне завладѣла имъ; онъ не смотрѣлъ по сторонамъ, не любовался красотами природы, которыя ему были знакомы съ дѣтства и давно уже пріѣлись ему. Онъ изрѣдка только подымалъ голову, вздрагивая отъ какого-нибудь шороха или внезапнаго

шума. Безпокойно и злобно оглядывался онъ тогда по сторонамъ и спѣшилъ свернуть съ дороги къ придорожнымъ кустамъ, гдѣ спѣшивался, клагъ своего вѣрнаго коня на землю, а самъ прятался за высокими вѣтвями.

Тутъ онъ услышалъ за собою унылые звуки колокольчиковъ и, оглянувшись назадъ, въ яркомъ свѣтѣ дня увидѣлъ караванъ верблюдовъ и ихъ погонщиковъ. Вара свернулъ съ дороги, чтобы дать имъ пройти. Онъ залегъ за кустами, вынулъ изъ переметныхъ сумъ ¹⁾ скудную пищу и сталъ закусывать, защищенный какъ стѣною густыми вѣтвями колючихъ кустовъ.

Но конь его, еще издали почуявъ верблюдовъ, забеспокоился, захрапѣлъ ноздрами и тихо заржалъ. Тогда Вара отвелъ его подальше, въ узкое ущелье, стреножилъ его тамъ и оставилъ пастись. Самъ же вернулся къ своему кусту и сталъ наблюдать проходившій караванъ.

Ему нельзя было теперь тронуться въ путь: верблюды шли медленно, качаясь и позвякивая колокольчиками, въ ту же сторону, куда ѣхалъ и Вара; нужно было выждать время, когда караванъ пройдетъ.

Вара выглянулъ изъ-за кустовъ и посмотрѣлъ съ любопытствомъ на погонщиковъ. Онъ усмѣхнулся.

---

¹⁾ Переметныя сумы — два мѣшка, связанные другъ съ другомъ и перекидываемые черезъ сѣдло.

Вотъ они идутъ безмятежно и спокойно по этой узкой тропѣ надъ обрывомъ. Идутъ они къ аулу, гдѣ сдѣлаютъ привалъ, и незадолго передъ вечеромъ тронутся въ дальнѣйшій путь. Но они не подозрѣваютъ, что здѣсь, за кустомъ, сидитъ сграшный абрекъ Вара, одно имя котораго въ состояніи повергнуть ихъ въ ужасъ. А чтò, если бы онъ вышелъ къ нимъ на дорогу, властнымъ движеніемъ остановилъ бы караванъ? Чтò, если бы онъ крикнулъ имъ:

«Стойте! Я — абрекъ Вара!»

И ему представлялся весь ужасъ этихъ людей, тотъ страхъ, который овладѣлъ бы ими при звукѣ его имени. Они побросали бы своихъ верблюдовъ и бросились бы бѣжать впередъ по тропѣ, бѣжать безъ оглядки... И караванъ былъ бы его.

Но нѣтъ! Онъ не сдѣлаетъ этого. Куда онъ дѣнется съ караваномъ? Въ прежнее время имя его гремѣло и наводило страхъ на окрестные аулы. Жители боялись его и его именемъ пугали непослушныхъ дѣтей. Вездѣ онъ былъ почетнымъ гостемъ, котораго, если и не любили, то боялись. Теперь — не то! Русскіе наводнили край, почти покорили его, превратили непокорныхъ горцевъ въ своихъ данниковъ и непокорные аулы — въ мирные. Тяжело стало жить. Вся Чичня превратилась во вражескій станъ съ тысячами тысячъ русскихъ солдатъ. Только еще нѣсколько неприступныхъ горныхъ ауловъ остались

непокоренными, самостоятельными, орлиными гнѣздами. Но и ихъ дни уже сочтены.

Настанетъ день, когда не будетъ уже въ Чечнѣ ни одного непокореннаго аула; настанетъ день, когда храбрые горцы вынуждены будутъ служить русскимъ и выдавать имъ головою тѣхъ, кто еще будетъ считаться врагомъ ихъ. И Вара чувствовалъ, что день этотъ близокъ, и смутный страхъ, тотъ страхъ, котораго онъ никогда до сихъ поръ не чувствовалъ, заползалъ въ его смятенную душу и ослаблялъ его силы.

Онъ началъ бояться. Онъ зналъ, что голова его оцѣнена русскимъ правительствомъ, что за поимку его назначена награда. И всѣ товарищи мало-по-малу отстали отъ него. Одинъ ушелъ въ Турцію, другой бѣжалъ въ Персію, третьяго поймали русскія войска и повѣсили. Еще два-три разошлись по ауламъ, навсегда бросивъ свое опасное ремесло.

И остался онъ одинъ какъ перстъ, послѣдній чеченскій абрекъ!

И грустно, грустно стало на душѣ его при мысли о томъ, что одинъ въ полѣ не воинъ и что скоро-скоро настанетъ и его часъ.

Страхъ, котораго онъ никогда не зналъ прежде, все глубже и глубже проникалъ въ его душу, и вотъ ужъ давно, какъ онъ не рѣшается ни на одно крупное дѣло, ни на одно отважное нападеніе. Жить

становится трудно... Остается сдаться на волю побѣдителя и просить его милосердія и прощенія, заслужить его милость чистосердечнымъ раскаяніемъ.

Сдаться?!.. При этой неожиданно пришедшей въ голову мысли ему сдѣлалось такъ совѣстно на душѣ, что густая краска стыда залила его блѣдныя щеки. Сдаться, ему, Варѣ, послѣднему абреку, и навѣки опозорить свою память? Никогда! Лучше смерти, смерть въ честномъ и неравномъ бою съ врагами, смерть во время какого-нибудь дѣла съ ненавистными покорителями его родного края. Если онъ погибнетъ отъ русской пули, по крайней мѣрѣ память о немъ пронесется по всей Чечнѣ и будетъ передаваться изъ рода въ родъ, и долго-долго будутъ помнить его въ разныхъ аулахъ и будутъ слагать о немъ пѣсни, сказки, преданія.

Для чего они занимаются разбоемъ? Развѣ ему много нужно для существованія? Развѣ онъ не могъ бы найти себѣ пищу и кровь? Но ему чуждо и противно это мирное прозябаніе; его душа жаждетъ опасностей и битвъ, его горячая кровь не даетъ ему покоя. И всѣ его дѣла направлены къ тому, чтобы сѣять ужасъ въ странѣ, чтобы наводить страхъ на враговъ, которыхъ никто не звалъ въ ихъ дикую Чечню, которые явились сюда непрощенными гостями и которые хотятъ стать здѣсь полновластными хозяевами.